

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Эти издатели — просто ненормальные (зачеркнуто) странные люди. Мало того, что они напечатали первую книгу о Манюне, так еще и за вторую взялись. То есть чувство самосохранения у них отсутствует напрочь, и чем все это обернется — я не знаю.

Тем, кому повезло, и они не читали первую часть «Манюни», со всей ответственностью говорю — положите книжку обратно, откуда взяли. Лучше потратьте деньги на что-нибудь другое, взвешенное и серьезное. А то от хиханек и хаханек умнее не станешь, разве что пресс накачаешь. А кому нужен пресс, когда живот должен быть сами знаете какой. Вместительный прямо-таки должен быть живот. Чтобы можно было в нем комок нервов взрастить, как нас учили в знаменитом фильме «Москва слезам не верит».

Ну а тем из вас, кто не внял моему предупреждению и таки взял книгу, я как бы кратко намекаю на состав лиц повествования.

Семейство Шац:

БА. Иными словами — Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепещу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и нестигаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется — то вусмерть. Пока со свету не сживет — не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей — вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру — курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостроевец. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегают. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя

до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляпольт», «лясипед» и «шамашедший».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Ну вот. Теперь вы знаете, о ком вам предстоит читать. Поэтому в добрый путь.

А я пошла сына воспитывать. Потому что окончательно от рук отбился. Потому что на каждое мое замечание он говорит: меня просто не за что ругать. Мое поведение, говорит, просто ангельское по сравнению с тем, что вы в детстве вытворяли.

И ведь не возразишь!

Вот она, тлетворная сила печатного слова.

ГЛАВА 1

Манюня — отчаянная девочка, или Как Ба сыну подарок на день рождения искала

Я не открою Америки, если скажу, что любая закаленная тотальным дефицитом советская женщина по навыку выживания могла оставить далеко позади батальон элитных десантников. Закинь ее куда-нибудь в непролазные джунгли, и это еще вопрос, кто бы там быстрее освоился: пока элитные десантники, поигрывая мускулами, пили бы воду из затхлого болота и ужинали ядом гремучей змеи, наша женщина связала бы из подручных средств шалаш, югославскую стенку, телевизор, швейную

машинку и села бы строчить сменное обмундирование для всего батальона.

Это я к чему? Это я к тому, что седьмого июля у дяди Миши был день рождения.

Ба хотела купить сыну в подарок добротный сшитый классический костюм. Но в жестких условиях пятилетки человек предполагал, а дефицит располагал. Поэтому упорные поиски по областным универсам и товарным базам, а также мелкий шантаж и угрозы в кабинетах товароведов и директоров торговых точек ни к чему не привели. Создавалось впечатление, что хорошая мужская одежда изжита, как классовый враг.

И даже фарцовщик Тевос не смог ничем помочь Ба. У него была партия замечательных финских костюмов, но Дядимишиного пятьдесят второго размера как назло не оказалось.

— Вчера купили, — разводил руками Тевос, — а новых костюмов в ближайшее время не ожидается, будут только ближе к ноябрю.

— Чтобы ослепли глаза того, кто будет носить этот костюм! — сыпала проклятиями Ба. — Чтобы на голову ему свалился здоровенный кирпич, и всю оставшуюся жизнь ему снились одни только кошмары!

Но одними проклятиями сыт не будешь. Когда Ба поняла, что своими силами ей не справиться, она кинула ключ и подняла на ноги всех наших родственников и знакомых.

И в городах и весях нашей необъятной Родины начались лихорадочные поиски костюма для дяди Миши.

Первой сдалась мамина троюродная сестра тетя Варя из Норильска. Спустя две недели упорных поисков она отчиталась коротенькой телеграммой: «Надя зпт хоть убей зпт ничего нет тчк».

Фая, которая Жмайлик, звонила через день из Новороссийска и фонтанировала идеями.

— Роза, костюм не нашла. Давай возьмем Мишеньке фарфоровый сервиз «Мадонна». Гэдээровский. Ты же знаешь, у меня знакомые в «Посуде».

— Фая! — ругалась Ба.— На кой Мише фарфоровый сервиз? Мне бы ему из одежды чего купить, а то ходит в одном и том же костюме круглый год!

— Хохлома! — не сдавалась Фая.— Гжель! Оренбургские пуховые платки!

Ба убирала трубку от уха и дальнейшие переговоры вела, надрываясь в нее, как в рупор. Наорется, а потом прикладывает трубку к уху, чтобы услышать ответ.

— Фая, ты совсем спятила? Ты мне еще балалайку предложи... или расписные ложки... Да уймись ты, не надо нам никаких ложек! Это иронизирую я! И-ро-ни-зи-ру-ю. Шучу, говорю!

Из Кировабада позвонил мамин брат дядя Миша:

— Надя, могу организовать осетрину. Ну что ты сразу пугаешься, престижный подарок, пудовая элитная рыбина. Правда, забирать ее в Баку, но если надо, я съезжу.

— Осетрину съел и забыл,— расстроилась мама,— нам бы что-нибудь из одежды, чтобы «долгоиграющее», понимаешь? Костюм хороший или куртку. Плащ тоже сойдет.

— Можно сфотографироваться с осетриной на «долгоиграющую» память,— хохотнул дядя Миша,— да шучу я, шучу. Ну извини, сестра, это все, что я могу предложить.

Ситуацию спасла жена нашего дяди Левы. У нее в Тбилиси жила большая родня. Одним звонком тетя Виолетта всполошила весь город от Варкетили до Авлаба-

ра¹ и нашла-таки людей, которые обещали организовать хорошую шерстяную пряжу.

— Ну и ладно, — вздохнула Ба, — свяжу Мише свитер. На безрыбье и рак рыба.

В день, когда должны были привезти пряжу, у нас на кухне яблоку негде было упасть. Мама остервенело месила тесто для пельменей, мы, выклянчив у нее по кусочку теста, лепили разные фигурки, а Ба сидела за кухонным столом, листала журнал «Работница» и чаевничала вприкуску. Отпивая кипяток из большой чашки, она смешно пугалась лицом, глотала громко, клопоча где-то в зобу, и со вкусом перекаtywала во рту кусочек сахара.

— Кулдумп, — комментировала каждый ее глоток Гаянэ. Сестра сидела у Ба на коленях и замороженно наблюдала за ней.

— Если кто-нибудь проговорится Мише о свитере, то ему несдобровать, ясно? — профилактически напустила на нас страху Ба.

— Ясно, — заблеяли мы.

— У тебя в зивоте кто зивет? — не вытерпев, после очередного громкого глотка спросила у Ба Гаянэ.

— Никто.

— Ну ведь кто-то должен говорить «кулдумп», когда ты глотаешь? — Гаянэ смотрела на Ба большими влюбленными глазами. — Я внимательнo слушаю. Когда ты глотаешь, кто-то внутри говорит «кулдумп»! Ба, ты мне скажи, кто там зивет, я никому не скажу, а если скажу, пусть мне будет нисс... нисдобрывать.

Мы захихикали. Ба сложила ладони трубочкой и громко зашептала на ухо Гаянэ:

---

¹ Варкетили, Авлабар — районы Тбилиси.

— Так и быть, скажу тебе. В животе у меня живет маленький гномик. Он следит за всеми непослушными детьми и докладывает мне, кто из них набедокурил. Поэтому я все знаю. Даже про тебя.

Гаянэ быстро-быстро слезла с колен Ба и выбежала из кухни.

— Ты куда? — крикнули мы ей вслед.

— Я чичас вернусь!

— Не нравится мне это «чичас вернусь», — сказала мама. — Пойду посмотрю, что она там натворила.

Но тут позвонили в дверь, и мама пошла ее отпирать. Это привезли обещанную пряжу. Ее оказалось неожиданно много, и обрадованная мама полезла за кошельком:

— Я тоже возьму и обязательно что-нибудь свяжу девочкам.

Мы перебирали большие шоколадно-коричневые, синие, черные, зеленые мотки и ахали от восторга.

— Ба, и мне свяжешь чивой? — допытывалась Маня.

— Конечно. Что тебе связать?

— Колготки!

Я хотела попросить маму, чтобы и мне связали колготки, но тут в комнату вошла довольная Гаянэ.

— Ба-а, твой гномик про меня уже ничего не скажет! — расплылась в довольной улыбке она.

— Какой гномик? — рассеянно отозвалась Ба.

— Который у тебя в животе сидит!

Все мигом всполошились и побежали смотреть, что такого сделала Гаянэ. Впереди на всех парях летела мама.

— Господи, — причитала она, — как я могла забыть? Что она там учинила?

Ворвавшись в детскую, мама остолбенела и сказала «о боже». Мы напирали сзади, вытягивали шеи, но ничего не могли увидеть.

— Чего там, Надя? — Ба отодвинула нас и, легонько подталкивая окаменевшую на пороге маму, вошла в спальню. Мы просочились следом и ойкнули.

Одна стена детской была там и сям аккуратненько изрисована в каляки-маляки. Красной краской.

— Не волнуйся, Надя, отмоем. — Ба присмотрелась к художествам Гаянэ. — Что это за краска? Жирная какая. Не отмоется. Ничего, обклеим обоями.

И тут мама заплакала. Потому что она сразу догадалась, чем Гаечка изрисовала стену. Такой красной могла быть только новенькая французская помада, которую ей на тридцатипятилетие подарили коллеги. Скинулись всем учительским коллективом и пришли на поклон к фарцовщику Тевосу. И выбрали красивую помаду от «Диор». Сдачи хватило на небольшой подарочный пакет и букет гвоздик. Нищие учителя, что с них взять. Целый коллектив смог наскрести деньги на одну помаду.

Это был очень дорогой маминому сердцу подарок. За полтора месяца она только дважды пользовалась помадой, притом в первый раз — в учительской, по просьбе коллег. Накрасила губы, и все ахали и охали, как ей идет этот цвет.

Ба обняла плачущую маму:

— Не плакай, Надя, я тебе свяжу точно такую же помаду, — засюсюкала она, и мама рассмеялась сквозь слезы. Решительно невозможно долго горевать, когда Ба тебя обнимает. Категорически невозможно!

— Ну зачем, ну зачем ты изрисовала стену?! — отчитывала потом Ба Гаечку. — Всю помаду извела!

— Я сначала поставила на стене точечку, испугалась и убрала помаду в карман, — оправдывалась сестра, — а когда ты про гномика сказала, ну, про того, который

у тебя в зивоте сидит и говорит «кулдумп», я побезала исправлять мой набедокурил. И нарисовала много картинок, чтобы вы не увидели точечку!

Ба всплеснула руками:

— Зубодробительная логика!

Гаянэ зарделась:

— Ба, скажи, я умная? Скажи? Как мой папа.

— Молодец твой отец, на полу спал — не упал, — хмыкнула Ба.

* * *

— Нарк, ничего ты в женщинах не понимаешь, — спустя несколько дней отчитывала меня Манька. — Вот смотри, мы с тобой девочки? Девочки, грю? Чего молчишь, как будто воды в рот набрала? Девочки мы или кто?

Мы лежали на ковре в гостиной Маниного дома и листали книгу Памэлы Тревис. За окном лил дождь, и грохотали поздние июньские грозы.

Манюня очень боялась молний и обязательно затыкала себе уши затычками, чтобы приглушить перекаты грозы. Вот и сейчас, лежа пузом на ковре, она остервенело листала книгу, переругивалась со мной, а из ушей у нее воинственно торчали большие куски ваты.

Мы недавно прочли, да что там прочли, проглотили книгу о волшебнице-няне и были по уши в нее влюблены.

— До чего же повезло Майклу и Джейн Бэнкс, — кручинилась я. — Вот бы нам такую прекрасную няню!

— Нам не повезло дважды. Раз — что мы не родились в Англии, — Манька согнула указательным пальцем правой руки мизинец левой, — и два — что мы не Бэнкс. — Она согнула безымянный палец и потрясла у меня перед носом рукой: — Видела?

— Видела,— вздохнула я.— А повезло бы нам родиться в Англии в семье Бэнкс — и была бы у нас молоденькая няня-волшебница... Она летала бы на зонтике и статуи оживляла.

— А с чего ты взяла, что она молоденькая? — удивилась Маня.— Да она совсем взрослая тетечка!

И мы начали спорить о возрасте Мэри Поппинс. Я утверждала, что она молоденькая, а Маня говорила, что чуть ли не пенсионерка.

Ба вполуха прислушивалась к нашей перебранке, но не вмешивалась — считала петли и боялась сбиться со счета.

— Так! Мы с тобой девочки? — повторила Манька свой вопрос.

— Девочки, конечно,— промямлила я.

— Вот! Мы девочки. А твоя двоюродная сестра Алена уже девушка. Потому что ей семнадцать, и она уже совсем взрослая. А преподавательница по игре на фортепиано Инесса Павловна уже почти дряхлая старушка, потому что ей сорок два года! Ты понимаешь это своей дурьей башкой?

Я не успела ответить, потому что Ба наградила Маньку увесистым подзатыльником.

— За что?! — возопила Манька.

— Во-первых, за «дурью башку»! Это еще вопрос, у кого из вас башка дурнее, по мне — так обе балбески. А во-вторых, скажи мне, пожалуйста, если женщина в сорок два уже дряхлая старушка, то я в свои шестьдесят тогда кто?

— Мисс Эндрю,— процедила Манька сквозь зубы.

— Ктооооо? — выпучилась Ба.

Я похолодела. Конечно, моя подруга была отчаянной девочкой и иногда в пылу спора могла обзываться. Но

и отчаяние должно иметь какие-то разумные пределы. Согласитесь, одно дело обзывать «дурьей башкой» подругу, и совсем другое — назвать Ба «мисс Эндрю»! Так ведь и до тяжелой контузии недалеко!

Поэтому, когда Ба выпучилась и выдохнула «Чтооооо?», Манюня, смекнув, что перегнула палку, заюлила хвостом:

— Ты моя самая любимая бабушка на свете, Ба, я просто пошутила! Никакая ты не мисс Эндрю, ты настоящая Мэри Поппинс!

— Еще раз такое услышу, немилосердно пошучу в ответ. Откручу уши и повыдергиваю ноги к чертовой матери, понятно? — выдохнула огнем Ба.

Мы молча переглянулись. Не ответить на оскорбление хотя бы фирменным подзатыльником? Нелыханное дело! Ба сегодня была на удивление миролюбива.

Тем временем гроза за окном утихла, кое-где облака рассеялись, и выглянуло июньское жаркое солнце.

— Мань, может, выгатишь из ушей вату? Гроза прошла, — предложила я.

— Не буду выгаскивать, я уже сроднилась с нею, — заупрямилась Манька и затолкала вату глубоко в уши. — Вот так-то лучше.

— Ладно, — мне пришлось смириться с воинственным настроем подруги, — пойдем посмотрим, что во дворе творится.

— Далеко не уходите, — предупредила Ба, — дождь может заново начаться.

— Мы просто прогуляемся вокруг дома, — крикнули мы с порога.

Во дворе вкусно пахло омытым воздухом и мокрой землей. При малейшем дуновении ветра с деревьев

градом падали капли воды. Вся земля под тутовым деревом была обсыпана спелыми ягодами.

Мы с Манюней пробрались в сад и сорвали несколько незрелых плодов антоновки. Схрумкали яблочки, обливаясь слюной и отчаянно гримасничая — от кислоты сводило скулы.

Гулять по мокрому саду было скучно.

— Давай лучше пойдем к нам, — предложила я.

— Говори громче, я плохо слышу, — потребовала Манька.

— Давай лучше пойдем к нам домой! — проорала я. — Мама обещала на ужин блинов напечь!

— С чем?

— Ни с чем. Но есть можно с вареньем. Или со сметаной. Можно обсыпать сахарным песочком. Или полить медом.

— Пойдем, — шмыгнула Манька, — я возьму блин, посыплю его сахаром, полью вареньем, медом, солью и съем с брынзой!

— Буэ, — поморщилась я.

— Буэ, — согласилась Манька, — но попробовать-то можно?

Она вытащила из ушей ватные затычки и положила их на грядки с кинзой.

— Чтобы растениям ночью было на что преклонить головки, когда они будут спать, — объяснила она.

Мы уже выходили в калитку, когда вдруг к дому подкатил белый «жигуленок». Из машины вылез дядя Миша, открыл заднюю дверцу и вытащил оттуда какую-то коробку. Обычно дядя Миша возвращался с работы ближе к семи вечера, и о его скором прибытии оповещало далекое кряхтение «ГАЗика» Васи. «Вннн-вннн, — надрывался Вася на подступах